

Греческая

МИФОЛОГИЯ,
СФОРМИРОВАВШАЯ
НАШЕ
СОЗНАНИЕ

РИЧАРД
БАКСТОН

МИФ Культура

Ричард Бакстон

**Греческая мифология,
сформировавшая наше сознание**

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 398
ББК 82.3(4)

Бакстон Р.

Греческая мифология, сформировавшая наше сознание /
Р. Бакстон — «Манн, Иванов и Фербер», 2022 — (МИФ
Культура)

ISBN 978-5-00-195911-3

Греческие мифы – ключ к пониманию всей европейской культуры. И даже к пониманию человеческой психики. С тех пор, как к такому выводу пришел Зигмунд Фрейд, античная мифология определяет и наши представления о самих себе. Фигура Прометея вдохновила Мэри Шелли и Ридли Скотта на создание фантастических сюжетов. Трагедия Медеи оказала глубокое влияние на театр, феминизм и даже криминологию. Мифические амазонки стали прообразом самых известных воительниц – от Зены до Чудо-Женщины. В этой книге профессор Ричард Бакстон показывает, как ключевые истории греческой мифологии переосмысливались век за веком и как они продолжают жить и сегодня. Для кого эта книга Для ценителей истории, мифологии и их места в современности. Для всех, кто хочет погрузиться в жизнь народов прошлого. От автора Сегодня трудно представить себе интеллектуальный спор, нравственную дилемму или политический кризис, которые не давали бы повода вспомнить тот или иной греческий миф. Как только в 1970-е годы появилась гипотеза о взаимном влиянии живых организмов и их неорганической среды обитания, в ее название естественным образом легло имя Геи, греческой богини Земли. Когда одним прекрасным утром в середине 2010-х годов британскому премьер-министру взбрело в голову организовать референдум, чтобы решить, стоит ли Соединенному Королевству оставаться в Евросоюзе, многие комментаторы провели аналогию с опрометчивой Пандорой, которая выпустила все беды мира, открыв свой ящик (хотя в греческом варианте мифа речь шла не о ящике, а о большом сосуде). Если бы океанский лайнер «Титаник», космическая программа «Аполлон», международная корпорация Amazon, бренд спортивной одежды Nike, производитель дезинфицирующих средств Ajax, шелковые шарфы

Hermès и Heracles General Cement Company со штаб-квартирой в Афинах решили обойтись без имен своих мифических предтеч, кто знает, как бы они стали называться. Греческая мифология и по сей день остается кладезем названий для бизнеса, рекламы и маркетинга. Прибавьте к этому заметное присутствие греческих мифов практически во всех художественных явлениях современности – от пьес и поэм до комиксов и видеоигр, – и станет ясно: древние истории еще не растеряли своей силы, удивительной для их почтенного возраста. На русском языке публикуется впервые.

УДК 398

ББК 82.3(4)

ISBN 978-5-00-195911-3

© Бакстон Р., 2022

© Манн, Иванов и Фербер, 2022

Содержание

Введение. Неисчерпаемый источник	8
Глава 1. Прометей	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ричард Бакстон

Греческая мифология, сформировавшая наше сознание

Оригинальное название:

Greek Myths that Shape the Way We Think

Научный редактор Павел Евдокимов

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by arrangement Thames & Hudson Ltd, London.

The Greek Myths that Shape the Way We Think © 2022 Thames & Hudson Ltd, London.

Text © 2022 Richard Buxton.

This edition first published in Russia in 2023 by Mann, Ivanov and Ferber, Moscow.

Russian Edition © 2023 Mann, Ivanov and Ferber, Moscow.

* * *

Liechtenstein, The Princely Collections, Vaduz – Vienna. Photo Liechtenstein, The Princely Collections, Vaduz – Vienna / Scala, Florence.

Введение. Неисчерпаемый источник

Истории, которые мы называем «греческими мифами», возникли около трех тысяч лет назад, во времена Эгейской цивилизации, когда *полис* (город-государство) – характерная для I тысячелетия до н. э. форма организации общества – еще только зарождался. Несмотря на столь скромное происхождение (из небольших сообществ), эти истории распространились невероятно широко. Благодаря необычайным победам Александра Македонского они разошлись по эллинистическим государствам Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока – и укрепили славу завоеваний Александра. Когда же эти территории подчинились римской власти, римляне переделали греческие мифы под свои нужды. В течение столетий, последовавших за падением Римской империи, эти предания адаптировались и стали частью позднеантичной, средневековой и ренессансной европейской культуры, а затем распространились дальше на восток и запад – вследствие захватнической и исследовательской деятельности европейцев. В итоге они вышли за границы Европы и обрели мировое значение как убедительное образное средство выражения самых разных мыслей и чувств.

Сегодня трудно представить себе интеллектуальный спор, нравственную дилемму или политический кризис, которые не давали бы повода вспомнить тот или иной греческий миф. Как только в 1970-е годы появилась гипотеза о взаимном влиянии живых организмов и их неорганической среды обитания, в ее название естественным образом легло имя Геи, греческой богини Земли. Когда одним прекрасным утром в середине 2010-х годов британскому премьер-министру взбрело в голову организовать референдум, чтобы решить, стоит ли Соединенному Королевству оставаться в Евросоюзе, многие комментаторы провели аналогию с опрометчивой Пандорой, которая выпустила все беды мира, открыв свой ящик (хотя в греческом варианте мифа речь шла не о ящике, а о большом сосуде). Если бы океанский лайнер «Титаник», космическая программа «Аполлон», международная корпорация Amazon, бренд спортивной одежды Nike, производитель дезинфицирующих средств Ajax, шелковые шарфы Hermès и Heracles General Cement Company со штаб-квартирой в Афинах решили обойтись без имен своих мифических предтеч, кто знает, как бы они стали называться. Греческая мифология и по сей день остается кладезем названий для бизнеса, рекламы и маркетинга. Прибавьте к этому заметное присутствие греческих мифов практически во всех художественных явлениях современности – от пьес и поэмы до комиксов и видеоигр, – и станет ясно: древние истории еще не растеряли своей силы, удивительной для их почтенного возраста.

Однако живучесть эта подвергалась испытаниям. В разные эпохи и по разным причинам мифологию классической Античности – ту, которую поэт Филип Ларкин во всеуслышание окрестил «потрепанной кошкой», – откровенно отвергали¹. Одной из причин подобного отношения была приписываемая мифам безнравственность, о которой уже во II – III веках н. э. свидетельствовал христианский богослов Климент Александрийский, возмущенный, помимо прочего, идеей о том, что к рождению богини Афродиты причастны отсеченные гениталии бога Урана². Другая распространенная реакция – осмеяние. В 1712 году Джозеф Аддисон глумился над повсеместным обращением современных поэтов к «нашим Юпитерам и Юнонам» («форменное ребячество, непростительное для поэта старше шестнадцати»); десятилетие спустя французский философ Бернар де Фонтенель окрестил мифы «сборищем химер, галлюцинаций и несуразностей»³. Среди недавних шагов можно назвать попытку заклеить

---

¹ P. Larkin, *Required Writing: Miscellaneous Pieces 1955–1982* (Лондон, 1983), 69.

² Clement of Alexandria, *Protrepticus*, ch. 2.

³ J. Addison, *Spectator*, № 523 (30 октября 1712 г.); Бернар де Фонтенель, на первой странице его сочинения *De l'origine des fables* (Париж, 1724).

не только греческие мифы, но и изучение двух языков, на которых они изначально передавались, – как привилегию отжившей свое самодовольной культурной элиты, особенно в Европе и Северной Америке. Однако, невзирая на всю эту критику, мифы выстояли. Объяснение этого феномена идет гораздо дальше социального престижа, который способен заработать человек, ссылаясь на мифы, – даже с учетом высокого статуса «классики», традиционно поддерживаемого в обществе. Куда значимее поразительная способность мифов адаптироваться, подобно хамелеону, которую обеспечивают широта и глубина поднимаемых в них вопросов. Греческие мифы – словно мысленные эксперименты, имеющие значение практически для каждого без исключения человека, независимо от его финансового положения и культурного уровня. Цель данной книги – продемонстрировать это серией предметных исследований. Но прежде, дабы подготовить почву, обратимся к миру Древней Греции, изучим среду, в которой впервые проводились такие эксперименты, и выявим наиболее важные из исследуемых тем.

Пространство мифотворчества

Мифы были укоренены в древнегреческом обществе. Бабушки и дедушки, родители и няни рассказывали эти истории детям дома, а те учились пересказывать их в школе. Мифические сюжеты изображали на декорированных сосудах («вазах»), которые использовались для разнообразных хозяйственных целей. Поэты, ораторы, философы и историки цитировали их, приводя примеры нравственного поведения – которому стоило следовать либо которого требовалось избегать. Помимо того, их рассматривали как свидетельства реальных и значимых событий прошлого. Они являлись предметом чрезвычайно серьезным и одновременно таким, который легко помещался в контекст бурного веселья и даже крайней непристойности. Не существовало ни одного жизненного аспекта, который не затрагивали бы мифы⁴.

В частности, мифы были неразрывно связаны с религией. Так, изображение битвы между героическими лапифами и полуконями – кентаврами – древнегреческий художник вырезал на мраморных метопах (метопа – прямоугольная плита, элемент фриза) с южной стороны Парфенона, расположенного на афинском Акрополе. Скитания Деметры, отправившейся на поиски Персефоны – своей дочери, похищенной богом смерти Аидом, – запечатлены на каменных рельефах и керамических вазах, найденных на месте проведения мистерийного культа, который отправлялся в Элевсине. Сюжет с участием перевозчика Харона и бога Гермеса, переправлявших души умерших в царство мертвых, регулярно появляется на сосудах, известных как лекифы, – наполненные оливковым маслом, эти вазы приносили в качестве дара на могилы усопших. Кроме того, мифы рассказывали на ритуальных празднествах, устраиваемых в честь богов. Яркий пример – проводившийся в Афинах городской праздник Великие Дионисии, во время которого в честь бога Диониса разыгрывали трагедии, практически все основанные на мифах. И последнее, но не менее значимое: боги и герои, чьи деяния воспевают рассказчики мифов, – в большинстве своем те же боги и герои, которым поклонялись в храмах по всему греческому миру.

Повсеместное распространение мифов не сократилось, даже когда Греция подчинилась военной мощи Рима. Скрупулезные записи Павсания о его путешествиях по эллинским землям – «Описание Эллады», датируемое II веком н. э., – чуть ли не в каждом абзаце содержат характеристику местности, здания или сакрального предмета, которые находятся в том или ином месте и каким-то образом связаны с мифологией. Один из нескольких тысяч таких примеров касается героя-основателя небольшого сообщества в Лаконии:

---

⁴ См. Buxton, Imaginary.

В местечке, называемом Араином, есть могила Ласа, и на ней, как памятник, стоит статуя. Говорят, что этот Лас первый поселился в этой стране и, по преданию, был убит Ахиллом, когда, по рассказам местных жителей, он прибыл в их страну просить у Тиндарея Елену себе в жены. Но если говорить правду, то Ласа убил Патрокл; он же и сватался за Елену⁵, ⁶.

Учитывая фразу «по рассказам местных жителей», можно предположить, что статуя, установленная на могиле на юге Пелопоннеса и увиденная Павсанием лично, косвенным образом связана с событиями, которые, как считается, произошли до Троянской войны, – тогда несколько величайших героев Греции добивались от Тиндарея руки Елены (Тиндарей – муж Леды, матери Елены, хотя многие рассказчики мифов приписывают истинное отцовство Зевсу). Поскольку греческая мифология была максимально далека от строгих догматов фундаменталистов, Павсаний не стеснялся редактировать показания своих информаторов («Но если говорить правду, то...»); однако его версия, как и их, предполагает связь между событиями давно минувших дней и современной ему святыней. История о сватовстве к Елене, как и множество других мифов, была перенесена в священное место и тем самым получила обновление и подтверждение.

О чем – в понимании греков – рассказывали мифы?

Прежде всего мифы затрагивали темы семьи. Этот общечеловеческий институт отражен в бесчисленных греческих сказаниях, а сильные чувства, возникающие между членами семьи, нередко драматизируются и гиперболизируются. В «Илиаде» Гомера эмоциональные связи между поколениями, объединяющие правящую семью Трои: Приама и Гекубу, их сына Гектора с женой Андромедой и внука Астианакта, – воплощают жизненный идеал, который уравнивает суровые превратности войны, вызванные греческим вторжением. В «Одиссее» подобная же прочная связь соединяет Одиссея с его отцом Лаэртом и сыном Телемахом. Среди богов отношения родителей и детей также могут быть заряжены положительной силой, как в случае Деметры и Персефоны: мать лишила землю плодоношения до тех пор, пока ей не вернули (хотя и временно) ее дочь. Однако более многочисленны мифы, показывающие конфликтные детско-родительские отношения: Кронос оскотил собственного отца Урана и был, в свою очередь, свергнут сыном Зевсом; Эдип убил отца и проклял своих сыновей; Медея и Геракл погубили собственных детей; Агамемнон согласился на заклание («принесение в жертву») своей дочери Ифигении. Не менее напряженными выглядят отношения братьев и сестер. Борьба за трон в Микенах между братьями Атреем и Фиестом привела к ужасающему акту мести: Атрей умертвил маленьких сыновей Фиеста, приказал приготовить их и подал к столу ничего не подозревающему отцу. Среди сестер солидарности, как правило, больше. Когда царь Терей изнасиловал сестру своей жены и лишил ее языка, дабы она не рассказала о случившемся, девушка вышила эту историю на ткани и отправила ее сестре. Вдвоем они подвергли Терее жуткому каннибальскому наказанию, схожему с тем, что пришлось пережить Фиесту. Что до отношений внутри пар, то и они принимают разнообразные и нередко крайние формы; разлад между супругами – излюбленная тема мифов. Измена Елены с троянским царевичем Парисом привела к тому, что обманутый муж Менелай отправил греческие войска на осаду Трои. Когда Агамемнон привез из Трои поработленную царевну Кассандру, чтобы разделить с ней ложе, его жена Клитемнестра уже успела завести себе любовника – такой вот ядовитый коктейль неверности. Неверность не была уделом одних лишь смертных. Зевс

---

⁵ Пер. С. П. Кондратьева.

⁶ Pausanias, Description of Greece 3.24.10 (Павсаний. Описание Эллады. – Санкт-Петербург: Алетей, 1996).

снова и снова изменял Гере, а любовная связь Афродиты и Ареса привела к скандальной сцене: безмятежные любовники запутались на постели в практически невидимой сети, выкованной обманутым супругом Гефестом, покровителем ремесленников. Отношения Одиссея и Пенелопы, напротив, выглядят на первый взгляд идеальными, как следует из гомеровской «Одиссеи». Однако же пара воссоединилась только после долгих сексуальных походов героя – с Калипсо и с Киркой, а также после флирта (целомудренного) с принцессой Навсикаей, мечтавшей о замужестве. Психология взаимоотношений полов – одна из самых сложных и ярких тем в мифологии.

Другой важный мотив – встреча смертных с чем-то (или кем-то) чуждым и странным, словом, с «иным» (термин, который, надо признать, является академическим жаргонизмом, однако весьма *осмысленным*). В рамках общей закономерности герой – некто, принадлежащий к особой категории смертных, чье поведение способно преодолеть границы человеческих возможностей, – сталкивается с физически уродливым противником или существом, представляющим собой фантастический гибрид: Персей и горгона Медуза со змеями вместо волос; Беллерофонт и Химера – помесь льва, козы и змеи; Одиссей и устрашающая Сцилла с шестью головами и лающими собаками, опоясывающими ее чресла. Способность преодолеть подобные угрозы – одна из отличительных черт героя. Однако не только монстры воплощают в себе все странное: инакость зиждется и в самих богах. В частности, Дионис – божество, навлекающее *ekstasis*, «экстаз» (буквально: состояние «пребывания вовне»), на тех, кто попадает под его влияние. Это классический пример бога-отщепенца, чья сила распространяется гораздо дальше виноградарства и способна подчинять себе человеческое сознание. Инакость также черта многих других богов, например козлоногого Пана и притягательной Афродиты (олицетворения эротической страсти, схожей с помешательством), равно как и самого Зевса. Когда любовница Зевса Семела настояла на том, чтобы он овладел ею во всем блеске своего величия, главный из богов сделал это в сопровождении – или даже в воплощении – грома и молний, при этом испепелив Семелу. Зевс – чрезвычайно желанный – одновременно непостижимо отличается от всех. Мифы о непохожести поднимают вопросы о том, в чем состоит разница между человеком и прочими существами.

Другой распространенный мотив касается проблем происхождения. Мифы объясняют суть вещей, повествуя о том, как они возникли, – этакая мифология-этиология (наука о причинах). «Откуда все берет свое начало?» – это в конечном счете вопрос космологический. Все началось с первобытного Хаоса («Пустоты»), затем появились Гея («Земля») и Уран («Небо») – первая пара, прародители нескольких поколений богов. Рождение богов выглядит порою весьма запоминающимся – как в случае Афины, возникшей из головы Зевса, расколотой надвое топором Гефеста, или Афродиты, вышедшей из пены, в которой смешались кровь и семя из отсеченных гениталий Урана. Происхождение земель тоже порою объяснялось в мифах: остров Родос поднялся из морских глубин и был избран Гелиосом в качестве территории, на которой распространится его покровительство. Присутствие людей – еще одна черта мироустройства, требующая объяснения, и мифы о происхождении помогают разобраться с этим вопросом. После Потопа Девкалион и Пирра – греческие Ной и его жена – обнаружили, что находятся на незаселенных землях. Они принялись бросать себе за спину камни, которые превращались в людей: таким образом, люди – это порождение видоизмененной земли. Есть свои корни и у отдельных человеческих сообществ, существование которых мифы узаконивают: зачастую они демонстрируют (как в примере с камнями Девкалиона и Пирры) важность различий «до» и «после» через понятие трансформации. Так, народ беотийских Фив заявлял о своем происхождении от спартов – «посеянных людей», возникших в полном вооружении из земли, в которую были воткнуты зубы дракона; это сказание о рождении из земли наглядно отражает ощущение укорененности фиванцев на своей территории («автохтонность»). Наконец, множество обычаев и обрядов человеческой жизни тоже закрепились и утвердилось благо-

даря этиологическим сказаниям. Широко известно, что практика приношения в жертву животных возникла в результате судьбоносного момента, когда титан Прометей разделил в качестве пищи тушу вола между людьми и богами. Вкусное мясо, которое, согласно мифу, досталось людям, – гораздо более аппетитное, чем отданное богам, – принадлежало человечеству и в дальнейшем, в реальных религиозных церемониях.

Политика – еще одна заметная тема. Представители политической власти то и дело искали подтверждение ее законности в мифологии. Так, в VI веке до н. э. деспот («тиран») Писистрат, решив вернуться в Афины после изгнания, явился туда в колеснице в сопровождении «Афины» – в действительности Фии, высокой, красивой местной девушки, которую Писистрат облачил в доспехи: якобы богиня, покровительствующая городу, благоволила ему и обеспечила поддержку. Октавиан Август, провозгласивший Аполлона своим личным заступником, для упрочения уз построил в честь Аполлона храм, примыкавший к его собственному дому на Палатинском холме в Риме, – он последовал многовековой практике, согласно которой прямая связь с богами расценивалась как щедрый источник политической власти. Наиболее наглядный пример – невероятно пышные Великие Процессии, которые проводились в Александрии эллинистическим правителем Птолемеем II Филадельфом, оформленные, помимо прочего, великолепными картинами и тканями, изображавшими яркие сцены с участием Диониса, его вакханок и сатиров. Страдавший манией величия римский император Коммод, по своему интерпретируя мифический дух, изображал себя в виде Геракла с дубиной, шкурой льва и золотыми яблоками Гесперид. Государства, как и отдельные правители, нередко обращались к символической власти мифов посредством портретов на монетах: Гелиос на Родосе, Асклепий на Косе, Афина с ее культовой совой в Афинах – список практически бесконечен. Власть выглядит привлекательнее, когда она подкреплена традициями, а мифы – идеальный источник таких традиций.

Особенно непростая тема в греческих мифах – дилеммы, парадокс выбора. Классическим примером здесь выступает Орест, чья мать Клитемнестра убила своего мужа Агамемнона, отца Ореста. Стоило ли ему оставить отца неотмщенным или, послушавшись оракула Аполлона, он должен был убить мать? Не менее трудная дилемма встала перед Антигоной: следовало ли ей не предавать земле тело своего (вероломного) брата согласно указу правителя *полиса* либо она могла пренебречь этим распоряжением? Другая группа мифов, исследующих тему выбора, касается понятия судьбы (или фатума). Часто в этих сказаниях присутствуют разнообразные пророчества оракулов. Провидцы вроде Тиресия и Финея в точности предвидели будущее. Но значит ли это, что люди, чьи действия они предсказывали, не имели свободы выбора? Пророчества оракула Аполлона в Дельфах и оракула Зевса в Додоне фигурируют во множестве сказаний. Однако делают ли они бессмысленными поступки тех, кого касаются? Это целый сонм головоломок, сложность которых замечательно обобщена в эпизоде с Агамемноном. Когда богиня приказала ему принести в жертву (отправить на заклание) его дочь Ифигению, чтобы обеспечить попутный ветер кораблям, отправлявшимся к Трое, он «ярму Судьбы подставил выю»⁷ (цитируя строки из пьесы Эсхила «Агамемнон»). «Ярму подставить выю» – действие сознательное, однако ярмо принадлежало Судьбе, и, по всей видимости, у Агамемнона не было иного выбора, кроме как надеть его. Простые смертные (в отличие от пророков) осознают свою «судьбу» лишь спустя время, когда влиять на нее уже поздно. Боги также могут столкнуться с превратностями судьбы, и вопрос о том, способны ли *они* изменить ее, – источник еще больших парадоксов. Трогательный пример участия божества в хитросплетениях судьбы и выбора есть в «Илиаде»: морская нимфа Фетида предвидит, как ее любимый сын Ахилл (Ахиллес) умирает молодым – сразу после гибели его главного соперника, троянского

⁷ Пер. С. Анта.

воина Гектора. Зная, что это лишь ускорит кончину Ахилла, она просит Гефеста изготовить для него новые доспехи – те, в которых сын сумеет победить Гектора.

Независимо от связи с понятием судьбы, отношения между людьми и богами являются центральной темой множества мифов – и последней в нашем списке. Иногда отношения эти носят сексуальный характер, как у Афродиты с Адонисом, Диониса с Ариадной, Зевса со множеством женщин, перечислить которых невозможно, а также с красавцем Ганимедом – юным царевичем Трои, похищенным Громовержцем. Чувствительному человеку современности отношения, основанные на похищении, кажутся противоестественными, однако греки подчеркивали: бог, «забирая себе» смертного, оказывал тому честь. Правда, это не означает, что подобная связь всегда заканчивалась благополучно. Да, Ганимед, став виночерпием Зевса, получил взамен бессмертие, но смертный Тифон, украденный богиней зари Эос, старел и дряхлел, тогда как Эос сохраняла свою божественную юность.

Многие истории демонстрируют, напротив, не близость людей к богам, а пропасть между ними, повествуя о том, что случается, когда человек переступает очерченные границы. Охотник Актеон застал в роще целомудренную богиню Артемиду, купавшуюся обнаженной; в наказание та превратила его в оленя, которого разорвали на части его же гончие. Ткачиха Арахна вознамерилась доказать, что превосходит мастерством саму Афину, и богиня за эту дерзость обратила ее в паука. Когда Пенфей, царь Фив, отказался поклоняться Дионису, бог наслал безумие на всех женщин в городе, в том числе и на мать Пенфея; обуреваемые неодолимыми чарами женщины голыми руками разорвали правителя на части. Пожалуй, наиболее значимый аспект отношений между людьми и богами – это чрезвычайная вовлеченность богов в дела человека. Богам небезразлично, кто победит, а кто проиграет в Троянской войне; им важно, найдет ли Ясон со своими аргонавтами Золотое руно. Боги поддерживают ту или иную сторону в зависимости от своих предпочтений или прихотей. Их действия, направленные на смертных, – и наоборот – обязательная и основополагающая часть греческой мифологии.

После Античности

В беглом обзоре тем мы уже намекнули на удивительную способность греческих мифов транслировать идеи и вдохновлять на размышления о месте человека в мире. В остальной части книги мы проанализируем, как эта способность была реализована в греко-римской Античности и в постклассической традиции. Относительно последней на данном этапе нелишне обратить внимание на три главных аспекта.

Первый: многообразие. Диапазон контекстов, внутри которых мифы переосмысливались со времен греко-римского периода, чрезвычайно широк. Например, фундаментальный характер носят письменные тексты, существующие во множестве видов. Одно из важных ответвлений письменной традиции – аллегорические интерпретации, призванные продемонстрировать виртуозность интерпретаторов. Мифы, как правило, подавались как иносказательные описания природных явлений либо моральные или политические *образцы*: ключевыми фигурами периодов Средневековья и раннего Нового времени были Джованни Боккаччо («Генеалогия языческих богов»), Натале Конти («Мифологии») и Фрэнсис Бэкон («О мудрости древних»). Гораздо позже психоаналитики вроде Зигмунда Фрейда, Карла Юнга и их последователей работали во многом схожий подход, призванный разоблачить подспудные или архетипические значения, спрятанные за повествованиями. Наряду с подобными толкованиями существуют бесчисленные литературные произведения, в которых авторы (зачастую блестяще) переосмыслили мифологическое наследие: эпосы, пасторали, романы, трагедии и комедии в духе символизма, экспрессионизма, модернизма, постмодернизма, феминизма, постколониализма и прочих «измов». Другим контекстом является мир физических объектов. Свадебные сундуки, майолика, садовые скульптуры, гобелены, фрески – мифологические сюжеты воплощались

на визуальных и тактильных носителях, которые были распространены в эпоху Возрождения и до сих пор живут в музеях, галереях, общественных местах и частных домах по всему миру. Не меньше визуальных образов значимы и звуки: смысловые пласты мифических сказаний по-новому зазвучали в оркестровой музыке, популярных песнях, опере, балете и кино (хотя отсылки к греческим мифам существовали уже в немых фильмах). Видеоигры и комиксы также оставляют значительный след в области переосмысления мифов, а в будущем наверняка появятся и новые контексты, какие сегодня способен предвидеть лишь тот, кто наделен дальновидностью Прометея. Пожалуй, самым важным отсутствующим в этом списке контекстом можно считать религию вместе с ее ритуалами. В современных верованиях и практике сакральных обрядов от мифов не осталось ничего. Тем не менее в серьезности многих подходов к греческой мифологии – даже если эта серьезность не осемена религией – сомневаться не приходится.

Второй аспект: неупорядоченность. Ощутимое присутствие элементов греческой мифологии в одно и то же время в одном месте явно неравномерно. Даже если отсылка к мифу есть в имени компании или торговой марки, это не значит, что все (или хоть один человек), кто имеет дело с компанией или покупает продукт, знают в подробностях этот миф. Как минимум разные люди осведомлены о подобных деталях в разной степени. Столь же разнородное общество, вероятно, собиралось на ужине во Флоренции эпохи Возрождения: гости ели из тарелок с изображением Леды и Лебеда, и кто-то из них мог процитировать главу и отдельные строки из древнего текста, а других в это время одолевало лишь щекочущее любопытство в связи со столь неестественным и пикантным половым актом, так как они не имели никаких сведений о скрывающейся за этим сюжетом истории. Опять же, когда болельщики команды «Реал Мадрид», празднующие победу, собираются у фонтана Кибелы⁸ в центре города, неподалеку от фонтана Нептуна, где, в свою очередь, толпятся фанаты «Атлетико Мадрид», – все эти люди едва ли в равной степени информированы о двух упомянутых божествах. Другого рода заблуждения касаются развития мифологических образов в истории. Несложно прочертить кажущуюся убедительной единственную генеалогическую линию от, скажем, повествования о странствиях Одиссея из гомеровской «Одиссеи» (ок. XVIII – XVII вв. до н. э.) к стихотворной драме Саймона Армитиджа *The Odyssey: Missing Presumed Dead* («Одиссей: пропавший без вести, вероятно погибший») (2015): Гомер вдохновил Б., который вдохновил В., который вдохновил Я., который вдохновил Армитиджа. Либо сделать аналогичное заявление относительно связи между «Теогонией» поэта Гесиода (ок. XVIII – XVII вв. до н. э.) и фильмом «Битва титанов» (2010; реж. Луи Летерье). Однако традиции едва ли работают столь прямолинейно – тем более традиции переосмысления греческой мифологии. Возможно, прибегая к теме какого-то мифа в 1900 году, писатель или художник держал в уме лишь одну предшествующую версию, появившуюся всего несколько лет назад. Либо (напротив) писатель или художник намеренно проигнорировал все промежуточные стадии передачи мифа, чтобы вернуться к «оригиналу», датируемому, скажем, 700 годом до н. э. Каждый случай индивидуален. А традиции неуправляемы и замысловаты и от этого еще более пленительны.

Третий аспект: новизна. Одни носители информации появляются, другие – исчезают. Мифы подстраиваются под меняющиеся контексты и удовлетворяют разным потребностям. В какой-то период определенные мифы затрагивают некую живую струну культуры, в другой – те же истории, что нашли невероятный отклик, кажутся неуместными и банальными. Широко известные пышные и порою откровенно порнографические полотна Возрождения с обнаженными фигурами – Венеры, Ариадны, Данаи – не произвели бы того же эффекта, появись они в XXI веке. Благодаря современному взгляду на тему полов рамки выражения эротических

⁸ Фонтан Кибелы (*исп.* Fuente de Cibele, в России более известен как фонтан Сибелес) изображает фригийскую богиню земледелия и плодородия Кибелу на колеснице, запряженной львами. *Прим. ред.*

фантазий сместились. Изображение богов особенно зависело от менявшихся культурных условий. Начиная с XVII века мифы, сосредоточенные преимущественно на божествах (например, суд Париса), постепенно теряли свое влияние – хотя Ницше и превратил Аполлона и Диониса в инструменты для поддержания своей концепции. Но в то же время стали обретать популярность другие мифы, в частности такие, где затрагиваются темы семьи (Медея, Эдип, Орфей и Эвридика), политики (Антигона) или какой-то странной или неизвестной угрозы (амазонки, встречи Геракла с чудовищами). Тем не менее боги все еще занимают свое место в умах: как мы вскоре убедимся, Прометей здесь является, пожалуй, ярчайшим примером, даже если его значимость как божества парадоксальным образом преувеличена из-за его роли защитника человечества от богов.

Словом, традиция, из которой мы будем черпать примеры, – многогранная, запутанная и к тому же непрестанно обновляющаяся. Но главное, она живая. Так что настало время обратиться к первому представителю этой жизни.

Глава 1. Прометей

Мало кто из персонажей греческой мифологии наслаждался такой бурной «жизнью после смерти», как Прометей. Иногда в постклассической традиции он изображается как своего рода Христос, которого подвергли мучениям наподобие распятия – еще более ужасным, оттого что жертва, чье имя означает «предвидящий», знает: агония будет длиться вечно. Порою он представал героическим противником тирании, воинственно размахивающим факелом свободы перед лицом деспотической жестокости. Время от времени его превозносили как принесшего огонь – дар, позволивший человечеству развить свои производственные, технологические и социальные возможности. Подчас в нем видели не только защитника людей, но и их создателя. В какие-то моменты, невзирая на многочисленные героические роли Прометея, особо подчеркивалась его способность к хитрым уловкам. Однако, несмотря на все эти переосмысления, его неизменной чертой оставалась близость к человечеству вкупе с невыносимыми страданиями, которые эта близость причиняла. Чтобы разобраться, как разворачивались события, и попробовать выделить в истории Прометея темы, над которыми можно размышлять *сегодня*, мы обратим свой слух к трем голосам, доносящимся до нас из классической Античности: поэта, драматурга и философа.

Прометей в Античности

Первый из этих голосов относит нас к истокам дошедшей до нашего времени греческой традиции мифотворчества – к периоду, предшествовавшему, как сказали бы некоторые, даже созданию великих эпических поэм Гомера. В своей «Теогонии», впечатляющем повествовании о зарождении божественной силы в космосе, поэт Гесиод (предположительно, XVIII – XVII вв. до н. э.) рассказывает о последовательности эпизодов, приведших к установлению владычества Зевса. Значительная часть истории сосредоточена на деяниях титанов – божественных существ, управлявших миром до наступления власти Зевса и других жителей Олимпа (а иногда вступавших с ними в конфликт). Одним из титанов и был Прометей, сын Иапета (другого титана) и океаниды Климены. Хотя большая часть «Теогонии» описывает физические столкновения богов, в основе истории Прометея лежит скорее обман, нежели сила. Хитрый титан дважды обманул Зевса, чтобы принести пользу людям: лишил богов того, что причиталось им (*почему* Прометей благоволил человеческой расе, никогда не объясняется и остается интригующей загадкой). Один обман случился во время основополагающего события в становлении греческой религиозной практики: первого заклятия животного в качестве приношения богам. Прометей разделил тушу на две части: одна выглядела малопривлекательно, поскольку была прикрыта желудком (под которым скрывалось мясо), вторая смотрелась аппетитно, так как на поверхности лежал блестящий жир (однако под ним – лишь несъедобные кости). Обдуманный выбор Зевсом варианта, казавшегося предпочтительным, но таковым не являвшегося, озадачивает: возможно, дело в том, что Зевс именно так хотел продемонстрировать двуличность Прометея – показав ее последствия в действии. Как ни крути, выбор этот положил начало обычаю, сохранившемуся с тех пор: во время жертвоприношений людям достается самая вкусная часть, боги же довольствуются лишь ароматным дымом, поднимающимся к небу.

Рассерженный этим обманом Зевс лишил людей огня, вернув их к первобытному состоянию. Прометей в ответ придумал новую уловку и вновь мастерски сыграл на разнице между тем, что видится снаружи, и тем, что находится внутри: он украл огонь и пронес его к людям в стебле фенхеля. Дважды обманутый Зевс наказал и Прометея, и человечество. К людям он отправил первую женщину, созданную из земли Гефестом и наделенную благодаря другим

богам Олимпа различными привлекательными качествами, соблазнительную внешне и коварную внутри. (К счастью, не все греческие мифы демонстрируют столь вопиющий сексизм.) Таким образом Зевс отомстил Прометею – око за око, – искусно парировав собственной версией игры на видимом и скрытом. Что касается наказания самого Прометея, то убить его Зевс не мог (тот был бессмертным), однако придумал кое-что получше. Он оставил его в диких краях прикованным кандалами к скале. Каждый день орел прилетал к узнику и выклевывал его печень. За ночь печень отрастала вновь, готовая к очередному страшному пиршеству. Орел – священный символ Зевса, и получалось, что через посредника Зевс будто бы сам терзал и пожирал своего врага. Пытка могла прекратиться только по воле самого Зевса. Так и случилось, когда в отдаленном будущем сын Зевса Геракл застрелил орла: жажду мести верховного бога перевесило его желание дать сыну возможность прославиться.

Гесиод видоизменил изложенную в «Теогонии» историю в другой своей знаменитой поэме, «Труды и дни». Согласно последней, несущую разрушения женщину по имени Пандора, которую послал к смертным Зевс, вопреки настоятельному предупреждению Прометея, неосмотрительно принял его глупый брат Эпиметей («думающий задним умом»). Как известно, у Пандоры был большой сосуд, который она откупорила, выпустив содержимое – горести и болезни, разлетевшиеся по всему миру. Примечательная деталь: Надежда (олицетворение эмоции, вызванной ожиданием лучшего) осталась в сосуде, когда Пандора вновь закупорила его. Сей факт навевает неоднозначные мысли: значит ли это, что надежда всегда остается с людьми? Или это, напротив, означает ее недостижимость?⁹ Как бы мы ни разрешили эту дилемму, развязка истории с участием Прометея и Пандоры одна: люди обречены на страдания. Сколь бы благими ни были намерения Прометея, его взаимодействие с Зевсом принесло мало хорошего и человечеству, и ему самому. Что касается людей, то их ожидает тяжкое существование.

Другой голос, быть может, еще более звучный, чем Гесиода, слышен в грандиозной трагедии «Прометей прикованный», авторство которой приписывают драматургу Эсхилу (V в. до н. э.; некоторые из современных исследователей оспаривают авторство Эсхила, однако в Античности его никогда не ставили под сомнение)¹⁰. Драма начинается с того, что Прометея жестоко приковывают к безлюдной скале в Скифии божества Бия (Сила), Кратос (Власть) и – хоть и вопреки желанию – Гефест. От читателей не укрывают ни единой ужасающей подробности полного обездвиживания героя:

Власть. Теперь вгоняй сквозь грудь его со всей своею силой
Из адамантия неумолимый клин.
Гефест. Увы! Я плачу, Прометей, о муках о твоих.
Власть. Ты сжался весь? Оплакиваешь Зевсова врага?
Будь осторожней, как бы слезы не пролить по самому себе.

(Гефест вгоняет клин).

Гефест. Смотри же! Вот зрелище, невыносимое для глаз.
Власть. Я вижу лишь, что получил он по заслугам¹¹.

⁹ См. Buxton, *Imaginary*, 212–213.

¹⁰ См., напр.: M. Griffith, *The Authenticity of 'Prometheus Bound'* (Кембридж, 1977).

¹¹ Aeschylus, *Prometheus Bound* 64–70, trans. P. Vellacott (Лондон, 1961) (Эсхил. Прометей Прикованный // Эсхил. Трагедии. – Москва: Художественная литература, 1971).

Адамантий – чрезвычайно твердое вещество¹². Только с помощью такого материала можно было совершить задуманное (напоминает криптонит, который в состоянии уничтожить Супермена).

Несмотря на статичность жанра, повествование пьесы охватывает десятки тысяч лет. История уходит корнями в прошлое, так как Прометей вспоминает все, что дал человечеству: огонь, разум, астрономические знания, математику, письменность, медицину, дар предвидения... Но будущее доминирует – и в этом состоит трагедия провидения. Проницательный ум Прометея вынуждает его заранее знать обо всех подробностях грядущих страданий. Это разительно отличает его от смертных, на что он указывает хору нимф-океанид, явившихся засвидетельствовать его бедственное положение:

Прометей. Я сделал так, что более не может человек предвидеть свою смерть.

Хор. Что за лекарство ты открыл от их страданий?

Прометей. Слепой надеждой их я наделил.

Хор. Подарок твой – для них благословенье¹³.

Самому Прометею счастливое неведение недоступно. Однако совершенно беспомощным его не назовешь, поскольку он знает секрет – нечто, что можно использовать для заключения сделки. Мистическим образом Прометей обнаруживает, что Зевс замыслил вступить в союз, от которого у него родится сын, превосходящий отца властью. Прометей понимает, что с его помощью Зевс может избежать свержения. (В более поздних источниках объясняется: Зевс планировал сделать своей возлюбленной морскую нимфу Фетиду, но, чтобы избежать опасности, он выдаст ее замуж за Пелея, от брака с которым появится Ахилл¹⁴.) Однако пока момент неподходящий. Прислужник Зевса Гермес угрожает Прометею еще более тяжким наказанием, если тот откажется раскрыть свой секрет: орел и самовосстанавливающаяся печень. Ответ титана отмечает любые дальнейшие уговоры презренного слуги безжалостного тирана: «Делай свое черное дело».

Третий голос вводит нас в политическую философию. В своем диалоге «Протагор» Платон (V – IV вв. до н. э.) проводит мысленный эксперимент для обнаружения истоков человеческого общества. При этом он предлагает новый взгляд как на взаимодействие Зевса и Прометея, так и на отношения Прометея и Эпиметея. По его версии, боги, создав всех живых существ, вменяют в обязанность Эпиметею и Прометею наделить этих существ всеми навыками, нужными для выживания. Эпиметей раздает все необходимое животным, но забывает о людях. Прометей вмешивается – он крадет огонь для человечества и в придачу дарует ему разнообразные инструменты и средства самозащиты. Несмотря на все это, жизнь человека остается в опасности, поскольку лишена общественной сплоченности. Вовсе не гневающийся на Прометея Зевс отправляет на землю Гермеса, чтобы тот даровал людям способность к уважению и чувство справедливости, которые помогут смягчить разногласия. Миф, любопытным образом перекроенный Платоном, лишен и характерного для Гесиода видения человеческой жизни как движения по нисходящей, и присущего работе Эсхила нравственного противостояния тирана и мятежника.

Уже в работах Гесиода, Эсхила и Платона видны основные черты прометеевской мифологии. В частности, все эти повествования связывают титана с идеей происхождения: первое в истории жертвоприношение животного, появление огня, зарождение человеческой культуры.

---

¹² Адамантий, или адамант, – мифический металл, сверхлегкий и прочный, из которого изготавливалось оружие богов. *Прим. ред.*

¹³ Aeschylus, *Prometheus Bound* 64–70, trans. P. Vellacott (Лондон, 1961) (Эсхил. Прометей Прикованный // Эсхил. Трагедии. – Москва: Художественная литература, 1971), 248–251, пер. на англ. P. Vellacott (адаптированный).

¹⁴ Напр., Pindar, *Isthmian Ode* 8 (Пиндар. Истмийские оды // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. – Москва: Наука, 1980).

Но отсутствует одна важная особенность – еще более фундаментальный аспект темы корней: роль титана в создании человечества. Правда, к этой теме авторы отсылали и ранее: акт первобытного преобразования зафиксирован в «Метаморфозах» – блистательном и чрезвычайно авторитетном произведении римского поэта Овидия (43 г. до н. э. – ок. 18 г. н. э.). Согласно Овидию, Прометей смешивает землю с дождевой водой и вылепливает из них «подобье богов, которые всем управляют»¹⁵, а затем повелевает им стоять прямо и глядеть в небо¹⁶. Другая вариация – менее известная, но эмоционально более выразительная – есть в баснях Эзопа: Прометей смешал глину со слезами. Этот яркий образ указывает на то, что титан олицетворяет творчество и страдание, а также намекает: в человеческой натуре сочетаются те же два качества¹⁷.

Мастер Аркесилая. Прометей и Атлант. Лаконский килик. 560–550 гг. до н. э.
Vatican Museums, Vatican City. Photo Bridgeman Images.

Все важнейшие эпизоды из литературных сказаний находят и визуальное воплощение. Наиболее драматичная сцена, в которой титан предстает уязвимым перед беспощадным клювом орла, запечатлена на лаконской чаше (хранится в Музее Ватикана). Одно из изображений спасения Прометея Гераклом есть на горшке (вазе-кратере) из Афин: герой показан в момент, когда он стреляет в орла. В поздней Античности мы находим сцены акта творения, которые окажут мощное влияние на умы Средневековья и раннего Нового времени, – собственно, это картины появления человечества. Одна из интерпретаций представлена на этрусском аму-

¹⁵ Овидий. Метаморфозы. Кн. 1, стр. 83 (пер. С. Шервинского).

¹⁶ Ovid, *Metamorphoses* 1. 82–86 (Публий Овидий Назон. Метаморфозы. – Москва: Художественная литература, 1977).

¹⁷ Aesop, *Fables* 516; cf. Dougherty, *Prometheus*, 17.

лете-скарабее: в ней Прометей вылепливает туловище человека. Более содержательное изображение присутствует на мраморном саркофаге в Музее Прадо в Мадриде: Прометей создает тело человека, над головой которого Афина помещает бабочку (в греческом языке слово *psyche* («психе») означает «бабочка», а также «душа»).

Мастер Несса. Геракл, Прометей и орел. Атический кратер. Ок. 625–575 гг. до н. э.
National Archaeological Museum, Athens. Photo De Agostini / Getty Images.

Этрусский амулет-скарабей с выгравированным изображением Прометея. III – II вв. до н. э.

The J. Paul Getty Museum, Los Angeles. Gift of Stanley Ungar.

Не всегда Прометей предстает в столь авторитетном виде. В комедии Аристофана «Птицы» (414 г. до н. э.) Прометей нервно крадется по сцене, скрываясь под зонтиком, чтобы сверху его не заметил Зевс. Для беспокойства у него есть все причины. Он выступает советчиком птиц, которые основали в облаках собственный город-утопию, мешающий дыму жертвоприношений достигать богов Олимпа. Но это Аристофан. Его интерпретация противостояния Прометея и Зевса идеально уместается в рамки дерзких обычаев афинской комической драмы, однако не отражает ни взгляда на эту тему, распространенного в Античности, ни того, который откликнулся бы в мыслях и чувствах более поздних людей, слушающих и пересказывающих мифы. Как же в таком случае эти «восприимчивики» из постклассического периода адаптировали унаследованную ими пеструю концепцию мифов о Прометее?

Прометей создает первого человека. Римский саркофаг. Ок. 185 г. н. э. Museo del Prado, Madrid.

Титан в эпохи Средневековья и Возрождения

В блестящей монографии о Прометее в период Античности и после нее Кэрл Догерти взялась исследовать восприятие мифа с помощью художественного изображения благородного и непокорного героя в эпоху романтизма¹⁸. Такой выбор отправной точки отражает важную истину, но в то же время вводит в заблуждение. Романтизм, несомненно, создавал условия, в которых Прометей мог бы достичь небывалого прежде статуса иконы, однако к тому времени утекло много воды. С поздней Античности до Возрождения Прометей, чей образ покорял воображение, был не байроническим героем, а творцом, мастером, «антрополопом» – тем, кто вылепливает человеческие фигуры, а затем оживляет их.

¹⁸ Dougherty, Prometheus.

Внутри всеобъемлющего позднеантичного проекта по внедрению классической (языческой) мифологии в христианское мировоззрение история Прометея была головоломкой особого рода. Как увязать его роль творца с аналогичной ролью Бога, создавшего Адама и вдохнувшего в него жизнь? Для христианского писателя из Карфагена Тертуллиана (ок. 160–240 гг. н. э.) существовал лишь один ответ: *verus Prometheus*, «истинный Прометей», и был всесильным Господом Богом, вылепившим человечество из земли¹⁹. Столетие спустя другой христианский автор, выходец из Северной Африки Лактанций, изобрел собственный способ отодвинуть на второй план заслуги Прометея относительно божественного акта творения: Прометей отличился лишь в искусстве создания *статуй*

---

¹⁹ Tertullian, *Apologeticum* 18.2 (Тертуллиан. Апологетик // Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2005).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.